

Стриндберг Август

Полное собрание сочинений

Том 11

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-1
ББК 84-5
А18

А18 **Август С.**
Полное собрание сочинений: Том 11 / Стриндберг Август – М.: Книга по Требованию,
2023. – 242 с.

ISBN 978-5-519-75607-5

ISBN 978-5-519-75607-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

I.

Августъ Стриндбергъ.

Романтичный пономарь.

Переводъ съ шведскаго Елены Благовѣщенской.

ГЛАВА I.

Дѣло происходило въ пятидесятихъ годахъ. Стоялъ лунный августовскій вечеръ. Со двора лавочника на одной изъ главныхъ улицъ небольшого городка Труса съ грохотомъ выѣзжали запоздавшія телѣги. Старшій приказчикъ отпускалъ въ лавкѣ товаръ нѣсколькимъ служанкамъ, которыя въ послѣднюю минуту старались припомнить, что имъ нужно купить на завтрашній день. А наверху, въ чердачной комнаткѣ небольшого деревяннаго одноэтажнаго дома, у открытаго окна, выходившаго на дворъ, сидѣлъ младшій приказчикъ и, подперевъ подбородокъ рукой, смотрѣлъ на луну, освѣщавшую крыши домовъ и флюгера на трубахъ и придававшую имъ какіе то таинственные и фантастичные образы, которые постоянно мѣнялись въ зависимости отъ легкаго морского вѣтерка. То большой флюгеръ принималъ видъ женщины съ чернымъ капюшономъ на головѣ, то вдругъ изъ капюшона совершенно неожиданно

высовывалась голова дракона съ оскаленными зубами и вытянутымъ жаломъ, то флюгеръ поворачивался и на фонѣ темнаго неба ясно вырисовывался предохранительный клапанъ паровой машины; а черезъ минуту въ густыхъ клубахъ дыма, поднимавшагося изъ трубы, начиналась бѣшеная пляска вѣдьмъ и драконовъ. Замечтавшійся молодой человѣкъ перевелъ свой взоръ съ темныхъ фигуръ надъ крышами на свѣтлый ликъ луны, на которомъ отчетливо выступала карта земли. Онъ сразу какъ то успокоился, увидя это большое круглое лицо, которое съ добродушной улыбкой смотрѣло на него. Сегодня вечеромъ онъ собирался уѣхать изъ этого мирнаго тихаго городка; онъ оставлялъ свою службу въ маленькой лавочкѣ, чтобы отправиться въ Стокгольмъ въ Музыкальную Академію, гдѣ онъ долженъ былъ готовиться къ спеціальности органиста и школьнаго учителя.

Онъ опустилъ голову, снялъ съ подоконника локоть и окинулъ взглядомъ комнату, которая не отличалась особеннымъ уютомъ: вся ея меблировка состояла изъ трехъ кроватей, изъ небольшого зеркала и комода, на которомъ стояла сальная свѣча. На одной изъ кроватей лежалъ ковровый мѣшокъ до того набитый разными вещами что онъ походилъ на большую жабу съ широко разинутой пастью; она точно подавилась дюжиной чулокъ и сверткомъ нотъ, которые виднѣлись между обитыми желѣзомъ челюстями.

Молодой человекъ съ грустью остановилъ свой взоръ на пустомъ выдвинутомъ ящикѣ комода, дно котораго было прикрыто двумя газетами. Въ эту минуту изъ слуховой трубы возлѣ двери раздался голосъ:

— Лундстедтъ, вы тамъ?

— Да, патронъ,—отвѣтилъ молодой человекъ.

— Теперь я свободенъ!—сказалъ голосъ.

Внизу, въ комнатѣ за лавкой, сидѣлъ патронъ и перелистывалъ счетоводныя книги. Къ нему вошелъ Лундстедтъ и скромно остановился у двери.

— Садитесь, Лундстедтъ,—сказалъ ему патронъ.

Но юноша не рѣшался сѣсть отчасти вслѣдствіе того, что это было противъ правилъ приличія, а отчасти, потому что онъ боялся, не надѣлалъ ли онъ ошибокъ въ счетахъ или въ книгахъ. Но круглое добродушное лицо патрона напомнило ему луну и мужество снова вернулось къ нему.

— Лундстедтъ,—началъ патронъ,—вы хорошо исполняли возложенныя на васъ обязанности и старательно вели свою книгу. Если вы и впредь будете такъ же относиться къ дѣлу, то вамъ повезетъ въ жизни. Вы ѣдете въ Стокгольмъ, гдѣ васъ ждутъ серьезныя испытанія и я отъ всей души желаю вамъ успѣха. Вотъ ваше жалованіе—тридцать три риксталера и шестнадцать шиллинговъ, а вотъ эти десять риксталеровъ я

даю вамъ въ награду за ваше усердіе и стараніе. Ну, берите ихъ, а затѣмъ желаю вамъ счастливаго пути.

Лундстедтъ, глубоко тронутый, взялъ эти большія красивыя монеты и пожалъ руку патрона, видимо, желая сказать что то, но отъ волненія онъ не могъ произнести ни слова. Патронъ осторожно вытолкалъ его за дверь.

— Ну, хорошо, хорошо! Идите, проститесь съ моей женой и товарищами, а потомъ поѣзжайте; Свердсбрунъ, кажется, торопится домой.

Лундстедтъ вышелъ изъ комнаты, поднялся по маленькой деревянной лѣстницѣ и постучался въ дверь квартиры патрона. Ему отворила сама хозяйка, въ рукахъ она держала сальную свѣчу.

— Господи, да это Лундстедтъ! А я чистила лукъ—у меня до сихъ поръ еще слезы на глазахъ. Такъ вотъ какъ, вы покидаете насъ, вы ѣдете въ Стокгольмъ; тамъ вы увидите много прекраснаго, о чемъ мы даже и думать не смѣемъ. Да сохранитъ васъ Богъ, и да поможетъ онъ вамъ въ жизни! Господь съ, всего хорошаго!

Она вытерла себѣ глаза кончикомъ передника и протянула руку Лундстедту, послѣ чего онъ, пятясь задомъ сталъ сходить съ лѣстницы, кланяясь и шевеля губами, но ему такъ и не удалось произнести ни одного членораздѣльнаго звука.

А внизу въ лавкѣ въ это время стоялъ Свердс-

брунѣ. Держа въ углу рта изжеванную сигару, онѣ опирался колѣнями о прилавокъ и, не отрывая взгляда отъ вѣсовъ, на которыхъ старшій приказчикъ отвѣшивалъ ему кофе, онѣ медленно качалъ головой сверху внизъ въ тактъ мѣрнымъ движеніямъ чашекъ вѣсовъ, пока у него, наконецъ, не закружилась голова; тогда онѣ поднялъ лѣвую руку, чтобы найти какую нибудь точку опоры, и ухватился указательнымъ пальцемъ за бичевку, спускавшуюся сверху; но клубокъ сталъ быстро разматываться, такъ что Свердсбрунѣ упалъ на колѣни и опустилъ свою бѣдную уставшую голову вмѣстѣ съ сигарой на прилавокъ.

— Чортъ побери, ужъ не собираешься ли ты идти къ причастію?—воскликнулъ приказчикъ, пораженный внезапнымъ исчезновеніемъ крестьянина. Но Свердсбрунѣ сейчасъ же снова поднялся, бросая угрожающіе взгляды на клубокъ бичевки, висѣвшій подъ потолкомъ.

— Ишь какихъ переметовъ наставили!—пробурчалъ онѣ, выпустивъ изъ рукъ бичевку.

— Чортъ возьми, иначе и нельзя! Мало ли тутъ какая рыба заплываетъ въ лавку!

Крестьянинѣ долго беспомощно хлопалъ глазами, ища отвѣта, но, ничего не придумавъ, онѣ рѣшилъ требовать объясненія:

— Это на мой счетъ, что ли?

— На здоровье, можешь принять и на свой, — храбро отвѣтилъ приказчикъ и пододвинулъ ему мѣшокъ съ кофе. Наступило небольшое мол-

чаніе, во время котораго крестьянинъ напряженно обдумывалъ замѣчаніе насчетъ „рыбы“, но приказчикъ, не давъ ему времени опомниться, нанесъ новый ударъ:

— Это стоитъ двадцать четыре шиллинга звонкой монетой! Выкладывай деньги! Давай-ка мнѣ кисеть, я подсыплю тебѣ табаку.

Это было слишкомъ. Свердсбрунъ дошелъ въ своихъ мысляхъ только до кофе, рѣшивъ предать забвенію „рыбу“. Онъ взялъ въ руки мѣшокъ и взвѣсилъ его.

— Двадцать четыре шиллинга звонкой монетой! Подавай сюда деньги, старина. У насъ не полагается давать въ долгъ. А гдѣ же кисеть? Или тебѣ сыпать прямо въ глотку?

Наконецъ, крестьянинъ дошелъ до вопроса о деньгахъ и сунулъ руку въ карманъ штановъ, тщательно приподнявъ полу куртки.

— Сколько? Двадцать четыре шиллинга?

— Да, да, кофе поднялся въ цѣнѣ.

— Когда я былъ мальчикомъ... кофе стоилъ...

— Это было давно. Послушай-ка лучше, что мнѣ сказала твоя старуха.

— Моя старуха? Что могла тебѣ сказать старуха?

— Она сказала, что ты сейчасъ же долженъ платить деньги, а то ты пропьешь ихъ.

— Пр...пропью?

— Да нѣтъ же! Я никогда еще не видалъ тебя пьянымъ. Однако, пошевеливайся! Покажи

Лундстедту, что ты совсѣмъ трезвъ, иначе ты ничего не получишь отъ него. Слышишь, Блаккенъ зоветъ тебя?

— Лундстедтъ! Какое мнѣ дѣло до Лундстедта?... Тпру! Тпру!... Стой ты, дура!

— Развѣ ты не знаешь, что Лундстедтъ поѣдетъ съ тобой въ Свердсбру, чтобы оттуда отправиться въ Стокгольмъ?

— Стокгольмъ?... Тпру! Тпру!... Что съ тобой, кобыла?

Блаккенъ отъ нетерпѣнія скребла мостовую копытомъ. Въ лавку вошла горничная бургомистра, при этомъ она зацѣпилась за возжи, которыя были привязаны къ двери.

— А, добрый вечеръ, Лина! Какъ ты себя чувствуешь въ этотъ чудный лунный вечеръ?

— Ничего я... руки вонъ!... а не то... Какъ поживаете, Чиндгрень?

— Ничего себѣ, помаленьку. Что вамъ понадобилось въ эту позднюю пору?

— Понадобилось полъ лота кардамону.

— Вотъ какъ! Значитъ завтра у васъ гости... Ну, выкладывай-ка деньги, Свердсбрунъ, и перестань таращить глаза на дѣвушку. Не увлекайся, старина!

Крестьянинъ стоитъ, засунувъ руки въ карманы, сигара торчитъ у него изо рта на подобіе бугшприта; онъ слегка покачивается, согнувъ колѣни и, не отрываясь, смотритъ своими большими маслянистыми глазами на молоденькую гор-

ничную; иногда онъ устремляетъ свой взоръ кверху и имѣетъ при этомъ такой сосредоточенный видъ, словно онъ занятъ пересчитываніемъ хлѣбовъ, которые висятъ подъ потолкомъ.

— Эй ты, послушай!... гмъ... с...слушай. Тпру! Да стой же смирно, говорятъ тебѣ! Уу!

Въ эту минуту входитъ Лундстедтъ.

— Что же, скоро можно ѣхать? Вѣроятно, мы и не тронемся въ путь раньше десяти часовъ.

— Десять часовъ!

— Завтра къ девяти часамъ утра мнѣ надо быть въ Сёдертелье, чтобы поспѣть на пароходъ.

— Сёдертелье... Подожди!

Лина вспыхнула, когда вошелъ Лундстедтъ. Онъ замѣтилъ ее: — Добрый вечеръ, Лина! Надо попрощаться.

— Вы ѣдете?

Лундстедтъ и Лина вышли на улицу полюбоваться луной, а Свердсбрунъ тѣмъ временемъ вытащилъ свой кошелекъ и началъ выкладывать деньги на прилавокъ.

— Вотъ у насъ... подожди, я посмотрю... двѣнадцать шиллинговъ...

— Ишь ты какой, подсовываешь дырявые... четырнадцать, шестнадцать, двадцать... тридцать два. Еще четыре шиллинга!

— Четыре шиллинга!... Это слиш...комъ много... Нѣтъ... Ой-ой!... Гдѣ дѣвочка...

Въ лавку входитъ патронъ. Свердсбрунъ оправляется и быстро начинаетъ выкладывать день-